

# Содержание

|                                                                                        |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Пролог .....                                                                           | 9   |
| 1   Одомашнивание ради молока<br>Первые связи, 40 000–2000 до н.э.....                 | 21  |
| 2   Лошади для героев<br>Коневоды проникают в оседлый мир, 2000–500 гг. до н.э. ...    | 51  |
| 3   Движущая сила империи<br>Иран и Индия, 500–400 гг. до н.э. ....                    | 85  |
| 4   В отчаянных поисках небесных лошадей<br>Китай, 200 г. до н.э. — 400 г.н.э. ....    | 116 |
| 5   Шелковый путь, или путь конный<br>Китай и Индия, 100 г. до н.э. — 500 г.н.э.. .... | 155 |
| 6   Лошадиная мания<br>Китай, тюрки и весь мир, 500–1100 гг. ....                      | 182 |
| 7   В погоне за властью<br>Евразия, 900–1200 гг. ....                                  | 217 |
| 8   Куда доскачут копыта наших лошадей<br>Империя Чингисхана, 1206–1368 гг.. ....      | 254 |
| 9   Верхом на урагане<br>Тимур и его потомки, 1370–1747 гг. ....                       | 293 |

|        |                                                                          |     |
|--------|--------------------------------------------------------------------------|-----|
| 10     | Империи наносят ответный удар<br>Китай и Россия, 1584–1800 гг. ....      | 338 |
| 11     | Большая игра<br>Британская Индия и Россия, 1739–1881 гг. ....            | 370 |
| 12     | Шаг, рысь, галоп, карьер<br>Последние конные державы, 1890–1919 гг. .... | 399 |
| Эпилог |                                                                          |     |
|        | Королевская игра бузкаши, 1950–1973 гг. ....                             | 423 |
|        | Благодарности .....                                                      | 431 |
|        | Приложение: замечание о деньгах. ....                                    | 433 |
|        | Источники .....                                                          | 435 |
|        | Хронология .....                                                         | 436 |
|        | Места, упомянутые в тексте .....                                         | 440 |
|        | Люди, упомянутые в тексте .....                                          | 446 |
|        | Использованные в тексте иностранные слова .....                          | 459 |
|        | Источники иллюстраций .....                                              | 463 |
|        | Примечания .....                                                         | 465 |
|        | Предметно-именной указатель .....                                        | 521 |

*Мы готовим сабли и копья;  
смерть нас сражает без боя.  
Мы седлаем коней быстроногих;  
мерной поступью ночь настигает.  
Не воротишь былого;  
дороги нет влюбленным к воссоединенью.  
Что осталось мне от любимой?  
Только сон, что призраку снится.*

Аль-Мутанабби (915–965)



## Пролог

Дорога до нашего первого монгольского стойбища оказалась неблизкой: неделя в тесном купе транссибирского экспресса Москва — Улан-Батор, а потом еще несколько часов пути по бездорожью в старом «лэнд-крузере», сменившем на своем веку немало хозяев. Теперь же проводники подобрали каждому из нас по коренастому и гривастому монгольскому коньку. После дорожной тряски я так устал, что с трудом держался в седле. Проводники поторапливали, а я вдруг понял, что могу зарыться в гриву своего коня и с комфортом вздремнуть — так размеренно он шагал, нагруженный моими 68 кг веса. Но увы, проводники просили нас ускориться, потому что до вечернего привала было еще далеко. Они гнали своих лошадок вперед, подстегивая их легкими щелчками кожаных плеток, но мой конек, чувствуя, что я еле упираюсь ему в бока, продолжал переставлять ноги прогулочным шагом, вынуждая наших нетерпеливых, но и незлобивых проводников регулярно останавливаться, поджидая, пока я их нагоню. Я был самый медленный в группе.

Тени уже удлинились, когда мы добрались до стойбища — этакое Airbnb посреди степи. Состояло оно из нескольких юрт — круглых белых войлочных шатров. Подъехав к ним, я самым постыдным образом буквально вывалился из седла: один из проводников тут же припомнил, как я заверял его, что раньше уже ездил верхом. «Раньше да, — оправдывался я, — но не каждый же день, как вы». Мышцы нещадно болели. Я много лет не сидел в седле.

Чтобы отпраздновать наше прибытие, хозяева встретили нас — или, скорее, подвергли испытанию — многочисленными здравницами, сопровождавшимися айраком — перебродившим кобыльим молоком. Россиянам и тюркским народам Центральной Азии этот традиционный степной напиток известен под названием «кумыс». С этим питьем знакомятся неискушенные юные герои повестей Толстого, пускаясь в свои степные приключения. Он ударяет в нос свежим травянистым ароматом, но оставляет сомнительное послевкусие кобыльего пота. Алкоголя в нем не больше, чем в слабом пиве, и, чтобы разделить веселье наших монгольских хозяев, выпить нам пришлось бы немало — и, пока на степь опускались сумерки, мы, вспоминая о легендарных пирушках монгольских ханов прошлого, так и сделали. Хозяева неустанно подливали нам айрак из бутылки из-под кока-колы, а мы с преувеличенной любезностью подставляли свои чашки. Но выпить весь предложенный нам молочный напиток было бы так же невозможно, как охватить взглядом Млечный Путь, висевший над нашими головами. Юрта, похожая на одинокую звезду в ночном небе, крохотной песчинкой белела в огромном и однообразном пространстве степи. Этот лишенный ориентиров и почти не населенный ландшафт мало походил на место, где могла бы вершиться история. Но именно здесь, в степи, судьбоносным образом пересеклись пути людей и лошадей.

Ни одно животное не оказало такого влияния на историю человечества, как лошадь. Все началось в доисторические времена, когда люди охотились на лошадей — тогда некрупных и пугливых животных — ради пропитания. Затем охотники приручили лошадь, чтобы обеспечить себя мясом, а позже и кобыльим молоком, которое, кстати, гораздо питательнее коровьего. Для обоих видов одомашнивание стало переломным событием: из животного, которое, едва учуяв человека, пускалось в галоп, лошадь превратилась в самый ценный вид

домашнего скота. Потребность лошади перемещаться на большие расстояния в поисках новых пастбищ заставила коневодов расселиться по евразийским степям, а чтобы не отставать от кочующих на дальние расстояния табунов, пастухи научились ездить верхом — и это изменило ход истории.

Верховая езда сделала лошадь стратегическим ресурсом, в свое время не менее важным, чем нефть в XX в. А племенное разведение превратило лошадь в то быстрое и мощное животное, каким мы знаем его сегодня. Лошади и всадники заполонили степь и основали первые степные империи — хунну, кушанов и небесных тюрков, и это только первое, что приходит на ум. Сегодня мало кто о них помнит, но когда-то это были великие империи, занимавшие огромные пространства. И хотя по численности населения степные государства заметно уступали земледельческим цивилизациям, к которым принадлежали в том числе Китай, Индия и Иран, они владели половиной мирового поголовья лошадей, что позволило коневодческим народам сыграть огромную роль в истории. Это они обеспечили первые контакты между старыми земледельческими обществами. Искусство, религиозные верования, спортивные игры и мода добивались из одного конца Старого Света в другой в седельных сумках степных всадников. Лошадь была и средством передвижения, и символом: через нее проявляли себя боги, вместе с нею хоронили королей, на ней скакали принцессы, играя в поло, ее воспевали поэты в стихах, которые до сих пор учат наизусть местные школьники.

Лошадь — это ключ к пониманию истории обширной территории, раскинувшейся от Дуная до Желтой реки. Огромные табуны лошадей прекрасно себя чувствовали в нежарких, сухих и травянистых степях современных Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Украины и Венгрии. Сами названия этих стран напоминают о государствах, рожденных

силой степных лошадей\*. Угроза, которую представляли налеты степняков, заставила оседлые земледельческие цивилизации разводить собственных лошадей, торговать ими, сражаться за них и выработать свою разновидность конной культуры. Лошади стали играть почти такую же важную роль в их экономике, дипломатии и военной стратегии, как и у степных народов. Степь, с ее обширными пастбищами, всегда лучше подходила для разведения лошадей. Оседлые народы, не располагавшие такими пастбищными землями и не столь искусные в разведении, вынуждены были тратить огромные усилия на содержание своих табунов. Они привлекали степняков в качестве конюхов и наемников, притягивая порой к своим границам целые степные государства. По мере того как степные народы все больше сближались с оседлыми, складывались предпосылки для того, чтобы какая-нибудь степная империя однажды захватила мир.

Это удалось монголам под предводительством Чингисхана. Сумев объединить жителей степей, Чингисхан использовал силу лошади так, как не удавалось никому до него. Монгольская империя, процветавшая с 1206 по 1368 г., ознаменовала высшую точку развития кочевых коневодческих цивилизаций, восторжествовавших над оседлыми народами.

Традиционная историческая наука считает, что по окончании эпохи монголов, когда на поле боя все шире стал применяться порох, лошадь утратила статус стратегического ресурса. И все же именно на лошадях держалось могущество трех последних великих сухопутных империй Евразии. В XVI в. династия монголов, которых мы называем Великими Моголами, собрала самую большую конную армию, какую только видала

\* Слово «Украина», например, происходит от слова «край», то есть граница степи. Украинские всадники назывались казаками. Казахи, киргизы, узбеки, туркмены и венгры предстанут на этих страницах в качестве могущественных коневодческих народов.

Индия, и впервые за тысячу лет объединила этот Азиатский субконтинент. В конце XVIII в. маньчжурский Китай — при поддержке все еще мощной конной силы монголов — отодвинул степную границу страны дальше, чем это сделали все предыдущие династии, и тем самым определил очертания современной Китайской Народной Республики. А в конце XIX в. Россия, некогда вассальное государство монголов, опираясь на конную силу украинских казаков, завоевала значительную часть Евразии. И несмотря на то что в этот период Россия и Китай лишили степных коневодов главенствующей роли, даже на заре XX в. лошади по-прежнему оставались важнейшим средством получения политической власти.

Большая часть событий, описанных на страницах этой книги, разворачивается в Евразийской степи, на западе которой поросшие травой равнины сменяются густыми лесами и крутыми склонами Карпатских, Богемских и Альпийских гор. Западная Европа имела совершенно иной опыт взаимодействия с лошадьми. Конные народы степей хотя пытались несколько раз, но так и не смогли завоевать ту часть света, что расположена к западу от «железного занавеса», отделявшего некогда страны советского блока от НАТО. Атила и гунны, аварский хан Баян, хан болгар Аспарух, венгерский дьюла Арпад — все они использовали богатое травяными угодьями среднее Подунавье в качестве плацдарма для своих завоеваний, но ни одна из попыток продвинуться дальше на запад успехом не увенчалась. И все-таки степняки оставили свой след в Европе. Булгары, сербы, хорваты и мадьяры (венгры) увековечили себя во всей ее восточной части\*. Польская знать ведет свою

\* Булгары — это тюркоязычные всадники, перенявшие южнославянский язык завоеванного народа, который, в свою очередь, стал назы-

родословную от древних степных завоевателей, чьи гробницы, набитые сокровищами и принесенными в жертву лошадьми, обнаруживаются по всей стране.

Западная Европа просто не могла прокормить лошадей в том же количестве, что и степь. В степи верхом ездили все и все мужчины воевали. Бывало, что и женщины участвовали в конных сражениях. Степные армии численностью в 50 000, а то и 100 000 человек были не таким уж редким явлением: под их знаменами собирался весь народ. В средневековой Западной Европе все было иначе: там армия из десяти тысяч всадников представляла собой редкое и внушительное зрелище. Быть всадником в Западной Европе означало быть рыцарем, шевалье, риттером, носящим золотые шпоры, — к этому классу принадлежало в лучшем случае 1–2% населения. Многие славные битвы в Западной Европе велись и выигрывались пешими воинами, а решающие кавалерийские сражения можно было по пальцам пересчитать. Как сказал один французский генерал по поводу атаки легкой кавалерии в 1854 г., в ходе Крымской войны, *«c'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre»* («это прекрасно, но это не война»).

В Западной Европе лошадь в первую очередь служила средством передвижения для дворянства, а с изобретением хомута стала помощницей пахаря. Часто пахотные лошади были одновременно и боевыми, о чем с юмором напоминает нам Сервантес в истории о Дон Кихоте и его тщедушном Росинанте. Парадоксально, но промышленная революция способствовала огромному и очень позднему росту поголовья лошадей в Западной Европе, поскольку в лошадях в то время появилась большая нужда: они волокли баржи по каналам, перевозили

---

вать себя болгарами. Слова «серб» и «хорват» изначально были скифскими этнонимами. Венгры — уникальный случай — сохранили свое название (мадьары) и свой степной язык, хоть и живут теперь в самом центре Европы.

бочонки с пивом, их впрягали в экипажи. В одном только Лондоне в 1870-х гг. насчитывалось не менее 280 000 рабочих лошадей<sup>1</sup>. В целом за XIX в. поголовье лошадей в Англии и Уэльсе увеличилось втрое и достигло трех миллионов. Однако на протяжении большей части истории Западной Европы лошади была отведена сравнительно скромная роль. Торговлю, а также перевозку людей и грузов обеспечивали судоходные реки и моря. Великие европейские империи возникали как морские торговые государства: Афины, Рим, Венеция, Испания, Португалия, Нидерланды, Франция и Британия.

В истории Нового Света лошади тоже сыграли небольшую, но примечательную роль. Первые народы пришли туда из Азии и привели с собой единственное одомашненное животное — собаку. Когда в XVI в. на североамериканском континенте появились испанцы, они быстро заселили местные степи — прерии Мексики и юго-западной части США — лошадьми и другим домашним скотом, которому пришлось по вкусу бескрайние просторы ранчо и эстансий. Коренные жители юго-запада быстро оценили преимущества верховой езды и буквально за несколько поколений стали лихими наездниками<sup>2</sup>. Однако, в отличие от конных народов Старого Света, племена апачей, индейцев лакота и команчей не стали заниматься разведением скота. Единственным их занятием стала охота на бизонов и набеги на сельскохозяйственные общины (как переселенческие, так и местные). Такому образу жизни пришел конец, когда усилиями переселенцев стада бизонов резко сократились. Ковбой и вакерос продолжали вести жизнь ранчиро. Лошади благоденствовали на американских Великих равнинах — экологическом близнеце Евразийской степи, но такого значительного вклада в историю, как в Старом Свете, не внесли. В Новом Свете лошадь вышла на сцену слишком поздно и важную роль играла лишь

несколько столетий, в то время как в Евразии она и человек были тесно связаны друг с другом целых четыре тысячелетия.

Из сегодняшнего дня это может показаться странным, но все эти тысячелетия люди прекрасно отдавали себе отчет в ценности лошади. Китайский полководец династии Хань Ма Юань в I в. н. э. писал, что «лошади — основа военной мощи, важнейший ресурс государства». Он предупреждал императора: «Если позволить силе лошадей ослабнуть, государство начнет клониться к упадку»<sup>3</sup>. «Главное, в чем нуждаются правители, герои, великие воины и именитые люди, — писал могольский военачальник XVII в. Фируз Джанг, — и от чего зависит слава и величие империи, завоевание царств и областей, — это конь. Без него невозможно создать государство, покорять страны и невозможно царствовать»<sup>4</sup>.

Но лошади были не только орудием строителей империй. Лошадь изменила самые простые, повседневные аспекты человеческого бытия. Жизнь верхом привела к появлению массовых охот, марафонских скачек и конных видов спорта, привлекавших восторженных зрителей. То, что мы сейчас называем Шелковым путем, правильнее было бы называть путем конным, ведь именно конь, а вовсе не шелк, связал продавцов и покупателей Европы и Азии и протоптал первые протяженные международные торговые пути. Красоту лошади воспевали поэты и художники. Особый образ жизни, сложившийся вокруг разведения лошадей, оказался на удивление однородным и устойчивым на всей территории Евразии. Культура коневодства была предметом восхищения и подражания для всех оседлых цивилизаций степей, о чем свидетельствуют терракотовые китайские лошади империи Тан, великолепная конская упряжь червленого серебра из сокровищницы Московского Кремля и восхитительные конные портреты, выполненные индийскими художниками эпохи Великих Моголов.

Лошадь лишилась статуса стратегического ресурса не раньше, чем ее вытеснили автомобили и самолеты. Только тогда пришел конец культуре коневодства, сохранявшейся на протяжении четырех тысячелетий. Но это произошло столь внезапно и бесповоротно, что роль лошади как опоры человеческой цивилизации оказалась в значительной степени забыта. Книга «На коне» рассказывает об удивительной истории лошади и одновременно предлагает новый взгляд на возникновение современного мира.

Учитывая, как важна была лошадь на протяжении многих веков, просто удивительно, что вне специальной литературы в наших учебниках истории почти ничего не говорится о том, откуда лошади взялись, как они были одомашнены, как появилась верховая езда и, самое главное, почему все это имеет такое большое значение. Между тем лошадь должна бы занимать центральное место при изучении истории древних государств, отношений между оседлыми и степными народами, а также политического развития коневодческих народов.

Помимо антропологии, археологии, генетики и сравнительной лингвистики, эта книга опирается на исследования, мощным потоком хлынувшие после распада Советского Союза. Россияне, украинцы, казахи, монголы и даже китайцы внезапно освободились от идеологических ограничений и воспользовались возможностью заново открыть для себя историю степей. Примерно в то же время резко шагнули вперед технологии, в том числе радиоуглеродное датирование. Палеогеномный анализ — извлечение ДНК из костей — показывает, как еще в бронзовом веке, примерно от трех до пяти тысячелетий назад, одомашнивание и селекционное разведение лошадей в Казахстане и Сибири сказались на генетическом многообразии вида. Сражаться верхом люди научились около 1000 г. до н. э. — нам это известно из свежих, проведенных в Казахстане исследований конских

и человеческих скелетов: характерные травмы костей и связок обнаруживаются и у седлающего, и у оседланного. Раскопки в Сибири и Китае показывают, насколько широко расселилась по свету та же самая группа всадников и как они соединили Восток и Запад. И если уподобиться лошади, которая настойчиво выкапывает траву из-под снега, мы можем обнаружить под слоем неизвестного ее историческую роль — стоит лишь поскрести.

Трудно поверить, что в этой однообразной и пустынной местности произошло великое множество исторических событий, и все же это так. Должно быть, те же мысли приходили в голову каждому путешественнику, разбивавшему здесь лагерь. Капитан Буйан де Лакост, инженер Транссибирской железнодорожной магистрали, в своей книге «В священных землях древних тюрков и монголов», которая увидела свет в 1911 г., писал: «Я устроился на ночь в нашей продуваемой всеми ветрами юрте, тщетно пытаюсь согреться при температуре, близкой к нулю. Я лежал без сна, а мои мысли, казалось, блуждали по степи ушедших веков, когда лошадей в ней было столько, что люди уподобляли их звездам на небе»<sup>1</sup>.

За несколько столетий до путешествия Лакоста в Центральную Азию Чингисхан собрал больше миллиона лошадей для своих воинов, чтобы передвигаться по бескрайним просторам завоеванных им земель. Это число вовсе не поэтическое преувеличение, вышедшее из-под пера летописца, — оно подтверждено историческими данными. И сейчас, когда я выглянул из юрты, такой же ветхой, как и та, в которой ночевал французский инженер-железнодорожник, звездная ночь и в самом деле показалась мне единственным средством представить себе, как могла бы выглядеть такая конница.

К тому времени, как мы проснулись, солнце уже всюду заглядывало в отдушины юрты, а наши хозяева готовили завтрак, который не обошелся без неизменного айрака. Легкое

опьянение — нормальное состояние монгольского скотовода. Интересно, что история отношений человека и лошади тоже началась с кобыльего молока. Без него не было бы коневодства — верховой езды, скачек, охоты; не было бы ни престижных пород, ни конного спорта, ни конных портретов. Не было бы конных армий и завоеваний, не было бы Чингисхана, империй Моголов и Тан. Одомашнив лошадь, человечество отправилось в долгое путешествие в компании животного, совершенно не похожего на всех прочих, что мы приручили. Однако этого могло и не произойти. Прежде чем люди пристрастились к кобыльему молоку, прежде чем мы одомашнили лошадей, мы почти полностью их истребили.



## Одомашнивание ради молока

*Первые связи, 40 000–2000 до н. э.*

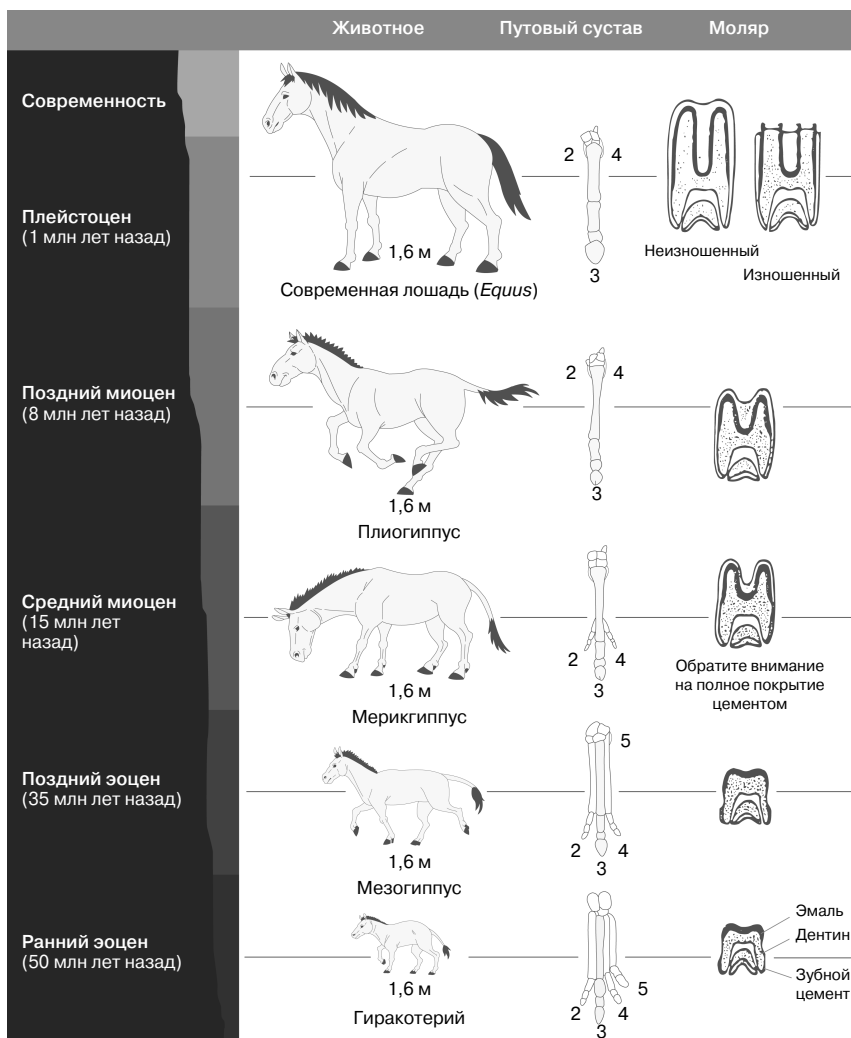


Прежде чем триумфально войти в историю, род *Equus* едва в нее не канул — еще в доисторический период. Первоначально это животное обитало на территории Северной Америки: в 1928 г. на ранчо в Айдахо были обнаружены ископаемые останки возрастом в три с половиной миллиона лет — это самое раннее из известных нам свидетельств существования лошади. Однако к тому времени, как в 1519 г. конница Эрнана Кортеса сошла на мексиканский берег в районе современного города Веракрус, обитатели Северной Америки уже 12 000 лет в глаза не видали лошадей. Палеонтологи предполагают, что люди, перебравшиеся в Новый Свет по перешейку между Азией и Аляской, истребили лошадей, которые до их появления миллионы лет кочевали по Северной Америке. Возможно также, что климатические изменения превратили травянистые просторы Северной Америки в менее подходящие для лошадей леса. Это могло бы стать для лошади концом истории, и тогда мы знали бы о ней не больше, чем о шерстистом мамонте или саблезубом тигре,

только по ископаемым останкам и наскальной живописи. Но примерно в то же самое время, когда жила ископаемая лошадь из Айдахо, *Equus* начал перемещаться по азиатско-аляскинскому сухопутному мосту в обратном направлении. Распространившись по пастбищам Старого Света, род *Equus* разделился на три вида, которые существуют и поныне: лошадь, зебра и осел. Современная лошадь осталась в более холодных зонах Евразии, а зебра и осел обосновались южнее, в жарком сухом климате Северной Африки и Аравийского полуострова<sup>1</sup>.

Первые люди Евразии, как и их американские сородичи, охотились на лошадей ради мяса, точно так же как они охотились на другую проворную четвероногую добычу вроде оленей и антилоп. Свидетельства охоты на лошадей в изобилии встречаются в наскальных рисунках и петроглифах, самые известные из которых были найдены в знаменитой пещере Ласко во Франции. Их возраст — 17 000 лет. Между прочим, лошадей пещерные художники изображали чаще всего: видимо, древних людей восхищала красота и скорость животного<sup>2</sup>. Согласно древнему поверью, чтобы обрести некое качество, нужно съесть растение или животное, этим качеством обладающее. Так, в некоторых культурах рог носорога пользовался большим спросом у людей, желавших обрести приписываемую этому зверю потенцию. Возможно, древние люди ценили мясо лошади потому, что лошадь бегала очень быстро — и охотники мечтали не отставать от нее.

Пристрастие доисторических охотников к конине было вполне объяснимо и с точки зрения питательности<sup>3</sup>. В холодных, суровых условиях последнего ледникового периода конина была ценным источником белка и незаменимых жирных кислот, крайне важных для здоровья и роста. В ней меньше насыщенных жиров, чем в других видах мяса, и люди легче ее переваривают. Отчасти по этой причине



*Эволюция лошади*

современные монголы, отлучая младенцев от материнского молока, первым делом переводят их на конское мясо. В европейской и американской кухне конина встречается редко — все дело в том, что в VIII в., во времена, когда только что обращенные в христианство германцы поедали конину, отправляя свои старые языческие ритуалы, католическая церковь наложила запрет на ее употребление<sup>4</sup>. Как еще объяснить исчезновение этого вкусного и питательного продукта из западного рациона?

То ли из-за магических свойств конины, то ли из-за ее питательности древние европейцы ели ее в большом количестве. В 1866 г. в местечке Солютре, что недалеко от Ласко, ученые обнаружили скелеты 10 000 убитых лошадей<sup>5</sup>. Они принадлежали к подвиду *Equus caballus gallicus* — это существо было меньше и шустрее своих современных родичей<sup>6</sup>. По всей видимости, Южная Франция изобиловала лошадками вида *gallicus*. Во время ледникового периода климат в Солютре был схож с климатом современной Монголии с его холодными и сухими зимами.

Но, как и в Новом Свете, климатические изменения и охота привели к тому, что 12 000 лет назад, в конце ледникового периода, вид *Equus caballus gallicus* вымер. Западная Европа больше не подходила диким лошадям в качестве среды обитания. Сокращающаяся популяция *Equus* нашла приют в Южной Иберии и, возможно, в Анатолии, но палеонтологи сомневаются, что современная лошадь появилась в каком-то из этих мест<sup>7</sup>. Вероятно, когда линия вечной мерзлоты сдвинулась к северу, предки современных лошадей отступили в сухую и прохладную Евразийскую степь<sup>8</sup>. Эта обширная, поросшая травой территория обеспечила лошади более безопасную среду обитания. Людей там поначалу было очень мало, и в новом естественном заповеднике табуны лошадей только разрастались<sup>9</sup>.

Люди пришли в степь по долинам рек, протекавших у ее внешних границ, таких как украинский Днепр или река Окс, которую в современном Узбекистане называют Амударьей. Когда табуны диких лошадей спускались к реке утолить жажду, люди, поджидавшие в засаде, нападали на них.

Как предполагают ученые, одомашнивание лошади началось с того, что люди начали ловить жеребят, чтобы использовать их в качестве приманки при охоте на кобылиц. Позже они придумали держать пойманных диких лошадей в загонах, чтобы обеспечить себе запас мяса и избежать трудностей и неожиданностей охоты. Начиная с 1980-х гг. археологи, ведущие раскопки в степях Казахстана, обнаруживают останки животных, которые датируются примерно 3700 г. до н. э. и свидетельствуют о наличии загонных и о систематическом убое скота, который можно отличить от охоты. Эти находки оставляют достаточно пространства для интерпретаций, и специалисты ведут горячие споры о том, какие стоянки указывают на охоту, а какие — на отлов и содержание в загонных<sup>10</sup>. Как бы то ни было, одно известно точно: начиная примерно с 3000 г. до н. э. люди и лошади учились жить вместе: лошади — преодолевая природный инстинкт в испуге бросаться в бегство, а люди — развивая новую технологию табунного коневодства.

Для лошадей переход от дикой жизни к одомашниванию был поначалу поверхностным и легко обратимым<sup>\*,11</sup>. В загонных, которые в те давние времена были не более чем скотобойнями, держать животных долго было нельзя. Их нужно было отпускать попасться на волю, в степь, где они могли

\* В октябре 2022 г. газета *The Washington Post* рассказала, как в штате Юта верховая лошадь присоединилась к табуну мустангов (одичавших лошадей) и вернулась к своим хозяевам спустя восемь лет жизни в дикой природе; см.: Maria Luisa Paul, «A Horse Ran Away with Wild Mustangs», October 10, 2022.

смешаться с дикими табунами и, вероятно, снова следовать своей естественной склонности убегать при приближении человека. Но люди научились привязывать жеребят возле своих жилищ, чтобы кобылы исправно возвращались их покормить. Тем временем потомство кобыл, выросших среди людей, склонно было считать пастухов частью своей группы, особенно в отсутствие диких взрослых животных<sup>12</sup>. Страху перед хищниками жеребята учатся у матерей; дикие кобылицы учили своих детенышей убегать от людей, но кобылы, которые среди людей выросли, учили жеребят доверять им. Так кобылы и жеребята стали обычной приметой человеческих поселений, пусть даже скрывающиеся в степи жеребцы оставались дикими. Бывало, что дикий жеребец сманивал выращенную в неволе кобылу и, влившись в его табун, она без труда возвращалась в дикую природу.

Со временем в принадлежавших людям табунах собралось столько зрелых, фертильных кобыл, что жеребцы, преодолев инстинктивный страх перед человеком, стали присоединяться к живущим в неволе. Но диких лошадей все равно было много, и приходящие из степи жеребцы иногда покрывали одомашненных кобыл и таким образом обогащали генетический фонд. Степные легенды о диких лошадях — отголоски той ранней фазы одомашнивания, когда жеребцы еще не смирились с обществом человека. В одних историях полуконь-полудракон появляется из воды<sup>13</sup> — возможно, это воспоминание о реках, у которых древние охотники поджидали добычу в засаде. В других сказочные кони спускаются с небес — здесь, видимо, нашла свое отражение уверенность древних людей в том, что по скорости лошади не уступают птицам<sup>14</sup>. Все эти легенды лишь подчеркивают, сколь мало прирученными казались людям лошади, и особенно жеребцы. Вплоть до Нового времени, когда истребили последних диких лошадей, взаимопроникновение одомашненной и дикой

популяции не прекращалось. У современных лошадей, которые все без исключения являются потомками диких степных животных, насчитывается более семидесяти семи материнских линий ДНК, и это говорит о том, что процесс привлечения диких кобыл в одомашненные табуны был длительным и нестабильным<sup>15</sup>.

В 2008 г. в попытке обратить вспять процесс, начавшийся пять тысячелетий тому назад, специалисты по охране природы вернули 325 лошадей Пржевальского в их исконную среду обитания в Монголии<sup>16</sup>. Лошадь Пржевальского, дикий (или одичавший) родич современной лошади<sup>17</sup>, к началу XX в. сохранилась только в зоопарках. Выросших в неволе и выпущенных в дикую природу жеребят жизни в степи обучали кобылы, которых вернули в степь еще раньше. Когда одичавшее стадо увеличилось до двух тысяч особей, жеребята быстро утратили желание общаться с людьми<sup>18</sup>. Эта природоохранная кампания демонстрирует исключительно поверхностный характер приручения рода *Equus*. По сравнению с другими прирученными человеком животными, лошадь одомашнена им очень неглубоко. К тому же произошло это довольно поздно: овца, например, была одомашнена на 7000 лет раньше лошади, собака — на 20 000 лет.

На следующем этапе одомашнивания, в конце III тыс. до н. э., помимо забоя лошадей на мясо, люди начали получать от кобыл молоко<sup>19</sup>. После этого человек стал еще сильнее зависеть от лошади — и связь между ними укрепилась. Благодаря тысячелетнему опыту разведения коров, овец и коз люди научились доить прирученных четвероногих. Они просто оттаскивали сосунка от матери, удерживали ее на месте с помощью продетой в ноздри веревки и сцеживали вытекающее молоко в кожаный бурдюк, подставленный под сосцы. Кобыла позволяет доить себя только в присутствии жеребенка. Сегодня в Монголии можно наблюдать, как жеребята широко

распахнутыми глазами с завистью смотрят, как доят их матерей. Даже после отлучения трех-четырёхмесячных жеребят кобылы доятся еще год, прежде чем снова ожеребиться. Кобылье молоко стало неотъемлемой частью рациона пастухов, а для монголов, казахов и киргизов оно остается им и поныне. Современные коневодческие народы употребляют в пищу как перебродившее, так и свежее кобылье молоко — на вкус оно сладкое и пахнет кокосом. Эти молочные продукты не просто дополняют рацион скотоводов — это их основной продукт питания, как хлеб или рис для земледельцев, но только коневоды утоляют кобыльим молоком и голод, и жажду. Молоком одной кобылы можно прокормить трех человек, в нем больше белка и витаминов, чем в коровьем, и, если уж на то пошло, в женском материнском молоке<sup>20</sup>. Оно обладает теми же полезными свойствами, что и конина. При этом оно не очень жирное, и сохранять его в виде сыра затруднительно. Поэтому, чтобы в отсутствие холодильника молоко не испортилось, степные коневоды делают из него айрак или кумыс, которым они так щедро делятся с иностранными гостями. Еще одно преимущество сбраживания в том, что оно расщепляет лактозу, а значит, обработанное таким образом молоко могут усваивать люди с лактазной недостаточностью — а это 95% современных монголов. Пристрастие к кобыльему молоку еще сильнее укрепило зависимость человека от лошади, а ведь с этого связь двух наших видов только началась.

Коневодство в те давние времена мало отличалось от нынешнего животноводства: жизнь пастуха определялась временами года и жизненным циклом лошади. Кобылы жеребились весной, после чего пастухи отлучали жеребят от матери, чтобы маток можно было доить. С приближением зимы двух-трехлетних жеребчиков забивали на мясо, как это делается сегодня при производстве телятины или баранины. Бесплодные кобылы или такие, что давали мало молока, тоже шли на убой.

Несколько жеребчиков выращивали для разведения в том же соотношении полов, что и в дикой природе: одна особь мужского пола на шесть — десять женских особей<sup>21</sup>. Древние скотоводы не пытались улучшить поголовье — за исключением выбраковки кобыл, дающих мало молока, что повышало удойность табуна. По странному совпадению оказалось, что удоиные кобылы вырабатывают и больше окситоцина<sup>22</sup>. Окситоцин, «гормон любви», помогал лошадям формировать эмоциональные связи с людьми, что дало начало гораздо более глубокой привязанности, существующей между нашими видами сегодня и не похожей на отношения человека и других одомашненных животных. (Одни только собаки, которых мы приручили первыми, могут сравниться с лошадьми в этом отношении. Взаимной привязанностью с собаками мы, скорее всего, обязаны совместной с ними охоте.)<sup>23</sup>

Отношения между людьми и лошадьми вещь непростая, потому что каждая лошадь, как и каждый человек, обладает индивидуальностью. Лошади испытывают сильные симпатии и антипатии — к другим лошадям и к некоторым людям, о чем знают любые наездники, пытавшиеся ездить на лошадях, затаивших друг на друга злобу. По уровню социальности с лошадью не сравнится ни одно стадное животное. Лошади сотрудничают, соперничают и играют друг с другом — в точности, как и мы. Живут они сравнительно долго, 20 или даже 30 лет, и фазы их жизни в какой-то степени соответствуют нашим. Они формируют прочные связи с другими лошадьми и так же привязываются к людям<sup>24</sup>. Эту социальную сторону характера лошади сегодня внимательно изучают, потому что многие горожане, владельцы лошадей, оставляют их одних в конюшнях, редко выезжают, а потом обнаруживают, что лошадь страдает в изоляции от владельца и сородичей. Лошади теряют социальные навыки, и ездить на них становится довольно трудно или даже небезопасно. Заметьте, что подобные

опасения редко высказываются в отношении социальных навыков овец или коз. Другими словами, по мере того, как в доисторические времена развивались отношения между лошадьми и людьми, прочная связь между ними стала залогом благополучия обоих<sup>25</sup>.

И пусть долгое время главной задачей лошади было обеспечивать людей пищей, у нее оказалось множество других удивительных свойств, которые позволили этому животному взять на себя дополнительные функции и в итоге превратили его в стратегический ресурс, не имеющий аналогов в истории развития человеческой цивилизации.

Начать с того, что лошадь заняла особое место в иерархии стадных животных. Конечно, у каждого из них есть особенности, которыми сумел воспользоваться человек. Овцы выносливы, могут кормиться на скудных пастбищах и не требуют особого ухода. Мяса на их костях пропорционально больше, чем у лошади, что делает их щедрым источником белка. Вдобавок в овечьи шкуры люди могут одеваться, а из овечьей шерсти валять войлок для юрт и головных уборов. Козы требуют еще меньше ухода, к тому же они наделены отличным чувством направления: нередко можно увидеть, как козы выступают во главе стада овец, которые следуют за ними, доверяя своим дальним родственникам указывать путь к пастбищу. Коровы дают молоко, телята — мясо, а волы тянут тяжелые повозки. В древние времена коровы не были такими эффективными машинами по производству молока, какими стали сейчас. Этот выносливый, пасущийся в степи рогатый скот давал тогда едва ли больше молока, чем кобылы, — раз в десять меньше, чем современные дойные коровы. А вот волы (кастрированные быки) в качестве тягловой силы всегда были предпочтительнее. Древние лошади имели не такие размеры, чтобы от них был толк в перевозке грузов. Поэтому роли лошади и коровы были перевернуты относительно